

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.161.1-09 «20»

В. СИРИН vs V. НАВОКОВ:

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ

Беспалова Е. К.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: korelkon1975@mail.ru

В данном исследовании предпринимается попытка сравнить и охарактеризовать два периода писательской деятельности русского и американского романиста В. Набокова с точки зрения психологии творчества, а также решаются следующие задачи: уделяется внимание двум типам самоидентификации автора; выделяются черты национальной и интернациональной поэтики; исследуется система персонажей романистики писателя с позиции их принадлежности к русской, европейской или североамериканской культурной традиции.

Для достижения поставленной в работе цели был использован комплекс биографического, типологического, психологического и историко-литературного методов, а также метод анализа бинарных оппозиций. Методологической базой в работе служат научные работы отечественных и зарубежных набоковедов, в разной степени касающиеся исследуемой проблемы.

В качестве материала исследования привлекается, в основном, романная проза автора как русского, так и англоязычного периода творчества, а также его интервью и поэтические произведения.

В статье делается вывод о том, что творчество Набокова-Сирин представляет собой уникальный синтез русско-американского писателя-билингва XX века, органично сочетающий в себе как чисто национальные, так и интернациональные черты, а также намечаются дальнейшие научные перспективы исследования, к которым можно отнести изыскания в области национального и интернационального на материале набоковской драматургии и новеллистики.

Ключевые слова: Сирин, Набоков, национальное, интернациональное, Европа, Америка, самоидентификация, психология творчества.

ВВЕДЕНИЕ

В истории русской и мировой литературы XX века имена В. Сирин и В. Набокова сосуществуют как уникальная модель творчества успешного писателя-билингва. Безусловно, в первую очередь Набоков известен как американский писатель мирового масштаба, и лишь во вторую – как европейский автор русского происхождения. Однако несправедливо было бы утверждать, что псевдоним, избранный Набоковым в период его первой эмиграции для публикации произведений, написанных на русском языке, является вторичным или менее

значимым, чем ставшая всемирно известной настоящая фамилия, написанная латиницей, которой он подписывал свои англоязычные книги, созданные им во второй эмиграции уже за океаном. И Сирин, и Набоков могут рассматриваться как отдельные, вполне самостоятельные и успешные авторы, соответственно являющиеся представителями не только разных национальных литератур, но и разных эпох литературного процесса XX века. Так, В. Сирин, как известно, модернист, а творчество В. Набокова тяготеет к постмодернистской эстетике. Примечательно также и то, что ранний, «сиринский» этап, представляет собой закат модернистской эпохи в Европе, а поздний, «набоковский» – зарождение постмодернизма в Америке.

Попытки исследовать творчество писателя как органичный синтез европейской и американской культур были предприняты в разное время. Наиболее успешными в этом отношении могут считаться работы отечественных и зарубежных набоковедов: Б. Бойда, М. Виролайнен, А. Долинина, М. Медарича и многих других, однако их авторы не ставили своей целью глубоко проанализировать данный феномен с точки зрения психологии творчества в целом и авторской самоидентификации в частности.

Цель работы – восполнить существующий пробел и рассмотреть творчество В. Набокова как единое целое, включающее в себя два совершенно самостоятельных периода: «русский» и «американский», с точки зрения психологии литературного творчества.

Для достижения поставленной в исследовании цели был использован комплекс следующих **методов**: биографического, типологического, психологического и историко-литературного, а также метод анализа бинарных оппозиций.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Безусловно, не только творческий метод или язык, на котором были написаны произведения Сирина и Набокова, являются главными условиями, разделяющими творчество писателя на два периода – «сиринский» и «набоковский», русскоязычный и англоязычный. Не менее значимым является глубинный психологический, точнее, мировоззренческий фактор, отражающий разные установки самоощущения автора.

«Русский в Европе» и «европеец в Америке» – вот две ипостаси, два варианта авторской самоидентификации, которые совершенно отчетливо просматриваются в текстах писателя до и после 1940 года.

Сирин и Набоков. Русская литературная традиция и американская новаторская проза. Европа и США. Модернизм и постмодернизм. Национальное и интернациональное. Эти категории представляется уместным проанализировать как бинарные оппозиции. Как отмечает крымский литературовед Н. П. Иванова, метод анализа бинарных оппозиций весьма продуктивен, поскольку «дает возможность исследовать особенности ментального пространства автора» [5, с. 60].

Рассмотрим некоторые из приведенных оппозиций более подробно.

Русскоязычную прозу В. Сирина принято считать автобиографической или, вернее, псевдоавтобиографической: она буквально начинена событиями из детства и юности автора, однако подача и интерпретация этих фактов в силу их намеренного художественного искажения, столь свойственного манере писателя, не может вызывать полного доверия, вследствие чего не может рассматриваться как исторический документ. Эта особенность раннего творчества писателя вполне объяснима с точки зрения психологии творчества: потеря родины, вынужденное бегство из родного дома, утрата финансовой и социальной стабильности, жизненных перспектив и уверенности в завтрашнем дне побуждают молодого автора к закрытости, отстраненности от диаспоры, замкнутости и уходу в себя, в мир своих личных переживаний и дорогих воспоминаний. Несмотря на то, что в Европе в то время проживало и активно работало множество русских писателей, объединявшихся в кружки и школы, В. Сирин сознательно держался особняком, минимизировал все контакты с бывшими соотечественниками, вновь и вновь творчески переосмысливая свою жизнь и судьбу. Защитный механизм сублимации перенаправляет травмирующие переживания в творческое русло, а уход в себя позволяет сохранить драгоценные крупинки воспоминаний в незамутненной неприкосновенности.

В этом смысле быть русским в Европе для Сирина означало быть эмигрантом среди иностранцев: Англия, Германия, Франция были одинаково чужды писателю, а тоска по дому одинаково непреодолима и мучительна. Поэтому неслучайно, что за

редким исключением все главные герои его русских произведений – изгнанники из России – отчаявшиеся, неприкаянные, экзистенциально потерянные, физически или душевно травмированные: Лев Ганин, Лужин, Федор Годунов-Чердынцев, Мартин Эдельвейс.

Что касается его русскоязычной романистики, то она, безусловно, в гораздо большей степени, чем англоязычная, ориентирована на русского читателя, возвращенного на классической русской литературе, на читателя, знакомого с недавней и такой трагической русской историей. Идиостиль романов русского периода также, скорее, можно назвать традиционным для русской литературной традиции, хотя и с большой долей новаторских решений и оригинальных находок.

Совершенно иначе два десятилетия спустя Набоков воспринимает свой отъезд в США, отмечая, что именно здесь, в Америке, он чувствует себя дома «в интеллектуальном отношении» [10, с. 567]. Отчасти именно этим и может быть объяснена смена псевдонима на настоящую фамилию: псевдоним был необходим писателю в изгнании, «дома» же он мог позволить себе вновь стать самим собой.

Этот благополучный переезд в другую страну омрачал лишь один, но весьма важный факт, названный писателем «личной трагедией», заключавшейся в том, что он был вынужден отказаться от его природной речи, от ничем не стесненного, богатого, бесконечно послушного ему русского слога «ради второстепенного сорта английского языка» [11, с. 385]. В остальном же ощущать себя европейцем в Америке для Набокова было значительно комфортнее и приятнее, чем русским изгнанником в Европе: здесь его книги понимали и принимали, его авторитет не ставился под сомнение, а его творческие открытия оценивались по достоинству.

Однако несмотря на это, писатель все же чувствовал свою инородность, особенно поначалу. Протагонисты его первых англоязычных произведений в полной мере отражают эту особенность: живя в Америке, они не являются американцами. Так, Себастьян Найт – наполовину русский, наполовину англичанин, Гумберт Гумберт – европеец смешанного происхождения, Пнин – русский. Более поздние романы, написанные по-английски, населены героями, которые воспринимаются, скорее, как космополиты, чем европейцы или американцы, по аналогии с тем, как

стал воспринимать себя и сам Набоков, чьи произведения получили мировое признание. В 1960 году домом писателя стал весь мир, а местом проживания – отель в Швейцарии.

Исследователями творчества Набокова-Сирина неоднократно выявлялись как черты идиостиля писателя, характеризующие оба творческих периода, так и особенности, свойственные только определенному этапу. Однако и сходные, и отличительные черты весьма условны. Примечательно, что начиная с критических работ В. Ходасевича, молодого писателя В. Сирина обвиняли в «нерусскости», «механистичности» прозы, отсутствии в ней «идейности», «человечности» и «живых людей», однако в то же время именно эти характеристики – условность, ироничность, интертекстуальность, сознательная авторская отстраненность от героя и текста в целом – стали главной приметой зрелого творчества В. Набокова, его «ноухау».

Рассуждая о национальных и интернациональных чертах героев его романов, нельзя не оговориться, что это деление также весьма условно и не предполагает разграничение этих черт на «положительные» и «отрицательные». Писатель отмечает как плюсы, так и минусы характеров своих персонажей, которые имеют как национальную, так и интернациональную природу. Набоков-писатель не разделяет протагонистов на героев и антигероев, на своих и чужих, на русских и иностранцев, однако в системе образов его персонажей возможно выделить определенные закономерности, которые отражают специфику мировоззрения Набокова-человека.

Так, к чисто русским чертам можно отнести характеристики, присущие лучшим героям его ранней прозы (Ганину, Эдельвейсу, Лужину, Годунову-Чердынцеву): острое переживание ностальгии, бесстрашие, героизм, честь, искренность, наивность, склонность к саморефлексии, готовность к самопожертвованию, одаренность и др. Интернациональными чертами могут считаться те, которые отличают героев его зрелых произведений: авантюризм, космополитизм, изобретательность, криминальные наклонности, способность к творческому самовыражению, умение выживать и др. В то же время парадокс творчества Набокова состоит в том, что оно плохо укладывается в рамки каких-либо концепций и теорий. Так, например, один из самых русских типажей Набокова – профессор Пнин – был

создан на английском языке в Америке (роман «Пнин»), а самые интернациональные герои (Драйер, Франц, Кречмар, Горн) вышли из-под пера русского писателя Сирина.

Билингвизм Набокова – еще одна тема многочисленных научных исследований как российских, так и зарубежных ученых. Попытки расшифровать причины успеха Набокова как писателя-билингва порой бывают весьма оригинальны и продуктивны. Одной из таких работ может считаться статья М. Виролайнен, посвященная осмыслению феномена набоковского двуязычия, автор которой справедливо называет английский язык Набокова «инобытием русской речи» [3, с. 264]. И это действительно так, поскольку, определяя себя как американского писателя, Набоков, тем не менее, обращается к западному читателю с русской темой. Исследователь Дж. Розенгрант отмечает, что в мировой литературе, помимо Набокова, нет других примеров писателей-билингвов, которые создали бы такое количество знаковых произведений на обоих языках, как он [13, с. 932], а российский набоковед А. М. Люксембург добавляет, что двуязычие неизменно интересовало писателя и как факт собственной биографии, и как предмет исследования [7, с. 15]. Сам же Набоков при необходимости определить свою языковую принадлежность говорил, что чувствует себя американским писателем, который был рожден в России [9, с. 568].

Стать англоязычным писателем Набокова вынудили обстоятельства жизни, очень похожие на те, которые заставили его еще совсем молодым покинуть родину: в 1940 г. над Францией сгустились грозные тучи гитлеровского нашествия, и Набоков, спасая жену и сына, эмигрировал в Америку. На первый взгляд может показаться, что Набокову в очередной раз повезло: как когда-то в 1919 г. с детства знакомый английский стал языком, на котором он продолжил образование в Лондонском Тринити колледже, так и двадцать лет спустя именно английский стал языком для продолжения творческой деятельности. Но не все так однозначно. Этот переход из одного языкового пространства в другое вовсе не был плавным и безболезненным.

В стихотворении «К России» (1939), написанном накануне отъезда в Америку, Набоков признается, что готов сделать все: отказаться от собственного имени, книг

на родном языке, снов, в которых ему является Родина, чтобы навсегда избавиться от болезненных напоминаний о ней.

Главное «заклинание» из стихотворения Набокова осуществилось, и довольно скоро: уже через год «все, что есть» у него, он сменил на эмоционально бедное по сравнению с русской речью американское «наречие» английского языка. Но русским писателем Набоков быть не перестанет. Примечательно, что это стихотворение позднее было переведено Набоковым на английский язык, причем его размер и смысл автору удалось сохранить с предельной точностью.

Официальный биограф писателя Б. Бойд отмечает, что Набоков, прежде чем посвятить себя иноязычной литературе, внес такой масштабный вклад в литературу родную, равного которому едва ли можно найти в творчестве какого-либо другого писателя-билингва: «При владении русским и английским, в котором Набокову не было равных, он занимал уникальное положение, позволяющее ему ввести русскую литературу в англоязычный мир» [2, с. 382]. Действительно, перейдя на английский язык, Набоков сделал для русской литературы больше, чем многие другие писатели-эмигранты, принявшие решение продолжать творить на русском языке: его многочисленные переводы, комментарии, включая титанический труд по комментированному переводу «Евгения Онегина», лекции по русской литературе – все это вдохнуло в тексты русской классики новую жизнь, сделав их доступными для новой и весьма многочисленной читательской аудитории за океаном. Немаловажно, что все это делалось в ущерб собственному оригинальному творчеству, поскольку в этой работе писатель видел свой гражданский долг перед отечеством, которого в привычной ему форме уже не существовало. В одном из интервью на вопрос о том, чувствует ли он себя все еще русским, прожив столько лет в Америке, Набоков признается, что по-прежнему ощущает себя русским и считает свои русские произведения своего рода данью России. Это утверждение, на наш взгляд, справедливо и в отношении англоязычных произведений писателя. Ведь и все англоязычные его работы – дань любви и памяти стране, которая сформировала Набокова как человека и писателя.

Как справедливо отмечено в одной из статей, посвященных авторскому сознанию, в любой национальной литературе можно отметить наличие «некоей знаковой творческой фигуры, которая тем или иным образом определяет векторы ее художественности» [12, с. 73], а значит Набоков вполне может претендовать на роль подобной фигуры, причем не только для русской, европейской, но и для американской литературы XX века. Украинский набоковед А. Н. Костенко в диссертации, посвященной билингвизму как творческому импульсу, утверждает, что художественный мир Набокова как система формируется в русскоязычном творчестве и базируется на менталитете и традициях русской культуры, при этом испытывая влияние западноевропейской, в первую очередь, немецкой и французской культур [6, с. 8]. Эти наблюдения исследователя представляются также весьма справедливыми, поскольку не противоречат ни объективной реальности, ни субъективному мнению самого Набокова, который как-то произнес всем известную сегодня фразу: «Моя голова разговаривает по-английски, мое сердце – по-русски, и мое ухо – по-французски», подчеркнув тем самым равную значимость культуры России, Европы и Америки, впитанные им, для его писательской и человеческой идентификации.

ВЫВОДЫ

Итак, в «сиринский» период творчества Набоков ни в коей мере не должен восприниматься как «русскоязычный» автор (то есть пишущий на русском языке, однако не принадлежащий русской литературной традиции), на чем настаивали многие его современники и критики. В. Сирин – совершенно русский писатель, хотя и, безусловно, автор-новатор, учитывающий в своей работе и веяния времени, и опыт предыдущего мирового литературного процесса.

В «набоковский» или англоязычный период писатель также не являлся чисто американским или европейским автором, поскольку все его творчество проникнуто острой тоской по России, тревогой о ее будущем, ностальгией по ее прошлому, что нашло свое отражение как на идейном, сюжетном, так и на персонажном уровне его романов.

Таким образом можно подытожить, что наследие Набокова-Сирина, русско-американского писателя-билингва XX века, представляет собой уникальный творческий феномен, органично сочетающий в себе как чисто национальные, так и интернациональные компоненты.

К **перспективам исследования** можно отнести дальнейшие изыскания в области национального и интернационального на материале набоковской драматургии и новеллистики.

Список литературы

1. Бойд, Б. Владимир Набоков: русские годы : Биография [Текст] / Б. Бойд. – М. : Издательство Независимая Газета; СПб. : Издательство «Симпозиум», 2001. – 695 с.
2. Бойд, Б. Владимир Набоков: американские годы : Биография [Текст] / Б. Бойд. – М. : Издательство Независимая Газета; СПб. : Издательство «Симпозиум», 2004. – 928 с.
3. Виролайнен, М. Э. Англоязычие Набокова как инобытие русской словесности [Текст] / М. Э. Виролайнен // В. В. Набоков : pro et contra. – СПб. : РХГИ, 2001. – Т. 2. – С. 261–269.
4. Долинин, А. Истинная жизнь писателя Сирина : Работы о Набокове [Текст] / А. Долинин. – СПб. : Академический проект, 2004. – 400 с.
5. Иванова, Н. П. Оппозиция «мечта – реальность» в крымском тексте Брюсова В. Я. [Текст] / Н. П. Иванова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 5 (71), № 1. – С. 60–69.
6. Костенко, Г. М. Від Конрада до Набокова : білінгвізм та бікультурність як творчий імпульс : монографія [Текст] / Г. М. Костенко. – Запоріжжя: ЗНТУ, 2011. – 407 с.
7. Люксембург, А. М. Вивиан Дамор-Блок и вивисекция слова : Английская проза Владимира Набокова [Текст] / А. М. Люксембург // Набоков В. В. Американский период. Собрание сочинений в 5 т. – СПб.: Симпозиум, 1997. – Т.1. – С. 9–23.

8. Медарич, М. Владимир Набоков и роман XX столетия [Текст] / М. Медарич // В. В. Набоков: pro et contra. – СПб. : РХГИ, 1997. – С. 454–475.
9. Набоков, В. В. Интервью в журнале «Playboy», 1964 г. [Текст] / В. В. Набоков // Набоков В. В. Собрание сочинений в 5 томах. – СПб. : «Симпозиум» 1997. – Т. 3. – С. 562–588.
10. Набоков, В. В. Интервью телевидению Би-би-си, 1962 г. [Текст] / В. В. Набоков // Набоков В. В. Собрание сочинений в 5 томах. – СПб. : «Симпозиум» 1997. – Т. 2. – С. 567–577.
11. Набоков, В. В. О книге, озаглавленной «Лолита» (Послесловие к американскому изданию 1958-го года) [Текст] / В. В. Набоков // Набоков В. В. Собрание сочинений в 5 томах. – СПб. : «Симпозиум», 1997. – Т. 2. – С. 379–385.
12. Остапенко И. В., Глухенькая Л. Н. Структура художественного языка лирического произведения как отражение мифологических стратегий авторского сознания (на материале стихотворения К. Э. Даффи «Энн Хэтэуэй») [Текст] / И. В. Остапенко, Л. Н. Глухенькая // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Том 5 (71), № 4. – С. 73–90.
13. Розенгрант, Дж. Владимир Набоков и поэтика изображения. Двухязычная практика [Текст] / Дж. Розенгрант // В. В. Набоков: pro et contra. – СПб. : РХГИ, 1997. – Т. 2. – С. 929–955.

References

1. Boid B. *Vladimir Nabokov: Russkie Gody: Biografiya* [Vladimir Nabokov: Russian Years: Biography]. Moscow: Izdatelstvo Nezavisimaya Gazeta; SPb.: Izdatelstvo Simpozium, 2001. 695 p.
2. Boid B. *Vladimir Nabokov: Amerikanskie Gody: Biografiya* [Vladimir Nabokov: American Years: Biography]. Moscow: Izdatelstvo Nezavisimaya Gazeta; SPb.: Izdatelstvo Simpozium, 2004. 928 p.

3. Virolainen M. E. *Angloyazychie Nabokova kak Inobytie Russkoi Slovesnosti* [English Language of Nabokov as a Different Being of Russian Literature]. *V. V. Nabokov: pro et contra*, SPb.: RKhGI Publ., 2001, Vol. 2, pp. 261–269.
4. Dolinin A. *Istinnaya Zhizn' Pisatelya Sirina: Raboty o Nabokove* [The True Life of the Writer Sirin: Works about Nabokov]. SPb.: Akademicheskii Proekt Publ., 2004. 400 p.
5. Ivanova N. P. *Oppozitsiya Mechta – Real'nost' v Krymskom Tekste Bryusova V. Ya.* [Opposition Dream – Reality in the Crimean Text of V. Ya. Bryusov]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, Vol. 5 (71), № 1, pp. 60–69.
6. Kostenko G. M. *Vid Konrada do Nabokova: Bilingvizm ta Bikul'turnist' yak Tvorchii Impul's: Monografiya* [From Conrad to Nabokov: Bilingualism and Multiculturalism as a Creative Impulse: Monograph]. Zaporizhzhya: ZNTU Publ., 2011, 407 p.
7. Lyuksemburg A. M. *Vivian Damor-Blok i Vivisektsiya Slova: Angliiskaya Proza Vladimira Nabokova* [Vivian Damor-Blok and Word's Vivisection: English Prose by Vladimir Nabokov]. Nabokov V. V. *Amerikanskii Period. Sobranie Sochinenii v 5 Tomakh*, SPb.: Izdatelstvo Simpozium, 1997, Vol. 1, pp. 9–23.
8. Medarich M. *Vladimir Nabokov i Roman XX Stoletiya* [Vladimir Nabokov and the Novel of the 20th Century]. *V. V. Nabokov: pro et contra*, SPb.: RKhGI Publ., 1997, pp. 454–475.
9. Nabokov V. V. *Interv'yu v Zhurnale «Playboy», 1964 g.* [Interview in Playboy Magazine]. *Sobranie Sochinenii v 5 Tomakh*, SPb.: Izdatelstvo Simpozium, 1997, Vol. 3, pp. 562–588.
10. Nabokov V. V. *Interv'yu Televideniyu Bi-Bi-Si, 1962 g.* [BBC Television Interview]. *Sobranie Sochinenii v 5 Tomakh*, SPb.: Izdatelstvo Simpozium, 1997, Vol. 2, pp. 567–577.
11. Nabokov V. V. *O Knige, Ozaglavlennoi Lolita (Posleslovie k Amerikanskomu Izdaniyu 1958-go Goda)* [About the Book Entitled Lolita (Afterword to the 1958 American Edition)]. *Sobranie Sochinenii v 5 Tomakh*, SPb.: Izdatelstvo Simpozium, 1997, Vol. 2, pp. 379–385.

12. Ostapenko I. V., Gluhenkaya L. N. *Struktura Hudozhestvennogo Yazyka Liricheskogo Proizvedeniya kak Otrazhenie Mifologicheskikh Strategii Avtorskogo Soznaniya (na Materiale Stikhotvoreniya K. Je. Daffi Jenn Hjetjeujei)* [The Structure of the Artistic Language of a Lyric Work as Reflecting the Mythological Strategies of the Author's Consciousness (Based on the Poem Anne Hathaway by C. A. Duffy)]. *Uchenye Zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta Imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie Nauki. Nauchnyi Zhurnal*, Vol. 5 (71), № 4, pp. 73–90.
13. Rozengrant Dzh. *Vladimir Nabokov i Poetika Izobrazheniya. Dvuyazychnaya Praktika* [Vladimir Nabokov and the Poetics of the Image. Bilingual Practice]. *V. V. Nabokov: pro et contra*, SPb.: RKhGI Publ., 1997, Vol. 2, pp. 929–955.

V. SIRIN VS V. NABOKOV: NATIONAL AND INTERNATIONAL

Bespalova Ye. K.

The study attempts to compare and characterize the two periods of the writing activity of the Russian and American novelist V. Nabokov from the point of view of the psychology of creativity, and also solves the following problems: attention is paid to two types of author's self-identification; features of national and international poetics are highlighted; the author investigates the system of characters of the writer's novels from the position of their belonging to the Russian, European or North American cultural tradition.

To achieve the goal set in the work, a complex of biographic, typological, psychological and historical literary methods as well as a method for analyzing binary oppositions were used. The methodological base in the work is the scientific works of Russian and foreign researchers relating to the problem of the study.

The author's novel prose of both the Russian and English-speaking period of creativity, as well as his interviews and poetic works are mainly used as a material of the present research.

The article concludes that the work of Nabokov-Sirin is a unique synthesis of the Russian-American bilingual writer of the twentieth century, organically combining both purely national and international features. The further scientific perspectives of the study are also outlined.

Keywords: Nabokov, national, international, Europe, America, self-identification, psychology of creativity.